

КРИКУН КАК ОБРАЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВЕДНИКА. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

© Комовская Е.В.*

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
г. Брянск

Рассматриваются традиции и новаторство в изображении праведника в романе А.А. Зиновьева «Зияющие высоты» на примере образа Крикуна. Выявляются специфические черты праведника у А.А. Зиновьева, которые в последующем найдут своё преломление в творчестве А. Солженицына, В. Быкова.

По мнению исследователя С.Ю. Королевой, тип героя – праведника «возникает на пересечении трех различных традиций: литературной, церковно-агиографической и фольклорной» [5, с. 82]. Однако, в творчестве А.А. Зиновьева в образе Крикуна помимо синтеза «трех различных традиций» наблюдаются автобиографические и социологические черты. Если писатели II половины XIX и начала XX веков под «праведничеством» понимали «способность жить по правде – в согласии с собой, с миром» [5, с. 82], то у А.А. Зиновьева «праведность» – это, напротив, отклонение от общего мироустройства, способность противостоять общим социальным нормам, восстать за «личную правду», пусть и с последующим наказанием.

Социализм как режим, по мнению исследователей, подготовил новую извращенную действительность, которая в свою очередь изменила классическое представление о праведности. В художественных тестах начинают появляться безвинно страдающие «за личную правду» герои. Например, герой Щ-98, Солженицына из повести «Один день Ивана Денисовича», героиня Распутина из повести «Живи и помни», дочь инженера из романа В. Быкова «А завтра была война». Именно такого, «страдающего за личную правду» героя изображает А.А. Зиновьев, при этом он мастерски соединяет в единое целое литературную, религиозную, фольклорную традицию с социальным и автобиографическим аспектом, что позволяем нам сказать, что это новая авторская модификация образа праведника.

Рассмотрим пересечение указанных традиций в творчестве А.А. Зиновьева на примере образа Крикуна.

В изображении своего героя А.А. Зиновьев использует литературную традицию Н.С. Лескова, который, по мнению Горелова «вводит понятие «праведник» в вольную сферу обыденной жизни, не ограниченную рамками церковно канонизированной святости» [1, с. 168]. Под влиянием лесковской

---

* Аспирант.

традиции, в творчестве писателей XX века, по мнению Трояновой, образы праведников начинают тяготеть к национальным истокам и представляют собой простых людей, для примера, официантов: Павлин и Скороходов, крепостных: Иван Горкин, Иван Флягин, ремесленников: Уклеикин, чиновники: кварталный Рыжов.

Образ Крикуна А.А. Зиновьева, не исключение, он также рожден в «простой среде». Его мать «пашет бесплодную землю» [4, с. 385], отец – «давно ни за что погиб» [4, с. 387], в результате того, что «открыто» пожалел положение скотины, которую передал в «дармохоз» (зиновьевское переименование колхоза). Следовательно, родители Крикуна простые сельские жители, а в его образе прослеживается литературная традиция изображения праведника, ведущая своё начало от творчества Н.С. Лескова, потому что «... по непримиримости косновным идейно-политическим лагерям в литературе и жизни Зиновьев, по мнению исследователя А. Фурсова, похож на великого Лескова» [6].

Кроме того, Крикун, наподобие древнерусского церковного образа Сергия Радонежского, выделяется из толпы сверстников своим интеллектом. Данный факт подтверждает замечание учителя «пятьдесят лет учу детей, а такого не видывал» [4, с. 386]. Это роднит исследуемый нами образ с церковно-агиографической традицией.

Герой, как и праведники Шмелева, Лескова, Солженицына, в творчестве которых тесно переплетаются, как собственно литературная, так и церковно – агиографическая традиция изображения праведника, претерпевает различного рода лишения и несправедливости.

Так, например, читаем: родители «одели на шею Крикуна *медный крестик* и отправили в город к Дяде. Дядя поставил на кухне коммунальной квартиры в сиром подвале ящик, нагрузил его картошкой на зиму, бросил сверху рваное грязное одеяло и выругался матом. Живи, коли так, сказал он. И ушел пропивать задаток» [4, с. 386]. Следовательно, с одной стороны образ выписан в классической традиции образов праведников, а именно умен, претерпевает лишения, крещен, рожден в среде простых людей, но в тоже время он наполнен новым социологическим содержанием.

Если ранее праведника вело проведение, внутреннее стремление к чему-то непонятному, он не мог поступить иначе, этот путь ему подсказывало сердце; то Крикун – это «образ гениального мальчика», которого родители пытаются «вытолкать» из деревни, подальше от земли, потому что убеждены, что нет смысла «ему тут околевать с голоду» [4, с. 386]. Таким образом, праведник А.А. Зиновьева изначально попадает под действие социальных законов 70-80 е гг. В данный исторический период деревня пыталась «эмигрировать» разными способами в город, в поисках лучшей жизни.

В эпизоде отъезда Крикуна в город много автобиографических черт самого писателя. В разговоре с Джоном Глэдом А.А. Зиновьев вспоминает:

«я родился в глухой русской деревушке. В результате коллективизации наша семья переселилась в город... Жили мы в кошмарных условиях...» [2, с. 229]. Следовательно, в образе Крикуна А.А. Зиновьева взаимопереплетаются черты традиционного изображения праведника, автобиографические и социологические. Остановимся подробнее на автобиографических и социологических особенностях образа.

С этой целью проанализируем эпизод в школе: «Как-то в школе устроили осмотр. У Крикуна обнаружили медный крестик, а в рубашке вшей. Крестик выбросили...» [4, с. 390], в результате герой лишается некоего ореола святости и начинает вести себя как обычный ребенок «его некому было защищать, и он научился драться» [4, с. 390]. Таким образом, Крикун полностью попадает под власть социальных законов взрослого мира, но «праведничество» его заключается не в смирении, не в беззаветной любви к ближнему, как у образов Н.С. Леского, И.С. Шмелева, А.И. Солженицына, а в том, что полностью подавить его внутреннюю праведную сущность социуму не удастся. Он живет «по правде» и не его беда, что она расходится с официальными законами, нормами, идеологией. Поэтому если канонический образ праведника, столкнувшись с несправедливостью жизни, спасается смирением, внутренним самоуглублением, то социологический праведник А.А. Зиновьева пускает меткое образное слово, которое «бьет» по совести людей. Данную мысль в художественном пространстве романа А.А. Зиновьева подтверждает эпизод в доме Соседа, одноклассника Крикуна. Во-первых, социологический праведник удивлен большим количеством комнат в доме «друга». Герой сравнивает это изобилие со своей деревенской жизнью: «У нас в деревне одна изба и горенка. А народу! Одних ребят штук шесть... Весело жили! Когда хлеба хватало...» [4, с. 390] Во-вторых, герой не избалован лакомствами, поэтому «...к огда Крикун попробовал это (пирожное)... кусок застрял в горле...» [4, с. 390]. Он уже со школьной скамьи чувствует несправедливость жизни, поэтому открыто заявляет родителям соседа: «Моя мама с рассвета до ночи работает как вол, а нам даже хлеба досыта поесть не дают» [4, с. 390].

Как у канонических образов праведников, лишения Крикуна бесконечны. Он постоянно сталкивается с вопиющей несправедливостью социологического характера. Так, из-за случая в доме одноклассника его исключили из школы, более того, по просьбе отца Соседа «потребовали направить в колонию малолетних преступников», однако скоро сам обидчик провинился перед властями и Крикуна восстановили (аналогичный случай происходит в повести В. Быкова «А завтра была война...» с дочерью инженера). Таким образом, если ранее в литературе праведники претерпевали лишения в связи с совершенным ранее «личным грехом», или просто в результате собственного желания отрешиться от мирского, «никому не мешать», то у А.А. Зиновьева все невзгоды героя Крикуна полностью связаны с законами социума, который подавляет всеми силами идеологически невыгодную правду.

Как правило, особый праведнический дух осознается читателем либо по поступку персонажа в какой-либо экстремальной ситуации, либо после его смерти. Крикун окончательно воспринимается как праведник в сознании читателя, после того как герой «верст пять бежал плачущий за телегой, в которой пьяные начальники увозили трезвого, тихого, доброго, умного Отца, не сделавшего никому зла и до самозабвения жалевшего безответную скотину» [4, с. 396], именно в этот момент ему открывается истина о том, что «... человек всегда остается один, если вздумает стать человеком. Его уже не защитит никто...» [4, с. 396].

Крикун, как и классический образ праведника, аскет, но причины его аскетизма совсем иные. «Давно изменила и ушла в лучшую жизнь жена. Отреклась дочь» [4, с. 410]. Таким образом, если аскетизм праведника предшествующей литературы был обусловлен личным выбором (как например, в рассказе «Юшка» А.П. Платонова, герой не хотел никого обременять, либо как герой Н.С. Лескова Иван Флягин, который желал быть ближе к Богу), то аскетизм героя А.А. Зиновьева продиктован социальными причинами. Он слишком человечен, что бы добиваться личных благ, а значит, не способен содержать семью. Кроме того, Крикун не боится открыто защищать врагов власти, если они правы, поэтому от него «отрекаются» близкие и друзья, последние вообще посчитали необходимым написать «совместный донос в Органы с просьбой спасти их товарища, попавшего под чьё-то дурное влияние» [4, с. 410]. Из-за «доброты» друзей Крикун попадает в тюрьму, но там «ему было даже не плохо. Впервые в жизни он спал на отдельной койке и питался три раза в день» [4, с. 410]. Данным уточнением А.А. Зиновьев выражает всю парадоксальность свиптального мира, в котором заключенным живется лучше, чем законопослушным гражданам. Кроме того, этот эпизод носит ярко выраженный автобиографический характер, так в разговоре с Дж. Глэдом А.А. Зиновьев признается, что «имел отдельную кровать и трехразовое питание из отдельной посуды, когда... попал в тюрьму в 1939 году» [2, с. 230]. Это был арест «за выступление против Сталина», однако в результате «заминки», как вспоминает писатель в разговоре с Ч.К. Дарыгин-олл, «ушел от охраны и «просто скрывался в армии...» [3, с. 70]. Аналогичные события в художественном пространстве романа «Зияющие высоты» происходят и с Крикуном, «когда до него добрались в городе, ... успел уйти добровольцем в армию» [4, с. 411]. Тем самым, А.А. Зиновьев указывает читателю на то, что Крикун – это образ выражающей в художественном пространстве романа «Зияющие высоты» самые сокровенные авторские мысли, а злободневность этих суждений и беспрестанные страдания героя за правду создают некий ореол праведности вокруг литературного героя.

С каноническими образами праведников Крикуна роднит то, что он единственный герой романа «Зияющие высоты», который сам обращается к Богу, просит прийти его в «свиптальный мир», правда обращение оформлено в социалистической манере:

*Боже, почему тебя нет!
Где же ты, черт тебя поберу?
Приди же, в конце концов!
Без тебя тут так трудно!* [4, с. 416]

Он, как и классические образы праведников, уверен, что «главный результат поступка – в тебе самом. Отсутствие внешнего результата не должно разочаровывать» [4, с. 430], поэтому он совершает героические поступки в армии, не заботясь о признании.

После войны герой живет в «сараяе» своего друга и проходит все лишения обычного труженика: разгружает вагоны, продает яблоки, подделывает хлебные карточки, занимается переводами с немецкого. В данном эпизоде вновь прослеживаются автобиографические черты самого А.А. Зиновьева, который отмечает в разговоре с Дж. Глэдом: «... когда я вернулся в Москву, жил в сарае у моего друга, зарабатывал на жизнь грузчиком на вокзале» [2, с. 232] Автобиографические вкрапления подчеркивают не только возможное реальное существование в мире подобных Крикуну, но и отражают социологический аспект всей сложности жизни после войны.

В отличие от канонического образа праведника Крикун старается активно влиять на умы, поэтому он постепенно «приходит к мысли» написать книгу «о существующем в Ибанске социальном строе» [4, с. 577], и старается «проявить» его «для мира с полной очевидностью и неопровержимостью, причем ... в самом грустном и страшном проявлении: в системе массовых репрессий...» [4, с. 577]. Сам А.А. Зиновьев признается: «... мне... было 52 года, я имел концепцию коммунистического общества, имел богатый опыт устного народного творчества – по сочинению анекдотов и застольных бесед, – ... имел опыт научной работы, читал массу публичных лекций, и многие из которых потом вошли в «Зияющие высоты»... Основной стимул моего творчества очень простой: у меня накопился в голове груз мыслей, а в сердце – груз эмоций, и мне нужно было очиститься. Я просто хотел дать в морду Им. ... То есть моему окружению властям, всему обществу.... И я ударил по этому обществу самым болезненным образом. Я разоблачил его сущность, его внутренний механизм. Я изображал его в таком виде, чтобы сделать это общество, его носителей, господ этого общества предметом посмешища» [2, с. 240].

Помимо книги, Крикун в художественном пространстве романа, как и многие мыслящие люди той эпохи, участвует в издании журнала с аллегорическим названием «Срамиздат» (шутливое переименование Самиздата) [4, с. 582]. Его обвиняют в организации журнала и приговаривают к «принудительному лечению» [4, с. 582].

Казалось бы, что данный образ к концу жизни приходит полностью к антикоммунистической деятельности, а значит ему не свойственно смирение и его нельзя относить к праведникам.

Однако, с другой стороны, вся его жизнь расписана по часам и составляет 22 часа, что отсылает читателя к самой большой главе из Библии – Псалтырю, состоящему из 119 Псалмов, в каждом из которых 22 части, кроме того жизнь Крикуна от рождения до смерти выстроена, как «откровения», которые в Псалме также повторяются по 22 раза.

Близость Крикуна к образу праведника доказывает две последних главы: Предпоследний час и Час последний. В главе «Предпоследний час» герой задумывается «сделал он своё дело или нет», наподобие Христа в Гефсиманском саду, который также не понимает истинности своего предназначения и обращается с этим вопросом к Отцу. Так же как Иисусу предстоит искупить грехи человечества смертью, так и Крикуну не обходимо дать миру книгу прозрения, поэтому закономерна глава «Час последний», выдержанная в традициях советской реальности: «Крикун у подъезда увидел машину. Это их машина» [4, с. 613], на таких «марусях» увозили «праведников» СССР в тюрьмы, лагеря, психиатрические клиники, но у героя есть последняя миссия – предать людям книгу – знание.

Трагизм праведника А.А. Зиновьева в том, что он под влиянием социальных законов общества не в силах исполнить своё предназначение. Так, в порту Крикун передает книгу девочкам, потому что «самые надежные на земле люди – девочки» [4, с. 616], однако он не знал, что «книгу у девочек отобрали и велели подать условный знак» [4, с. 616]. Зиновьев А.А. не дает однозначного ответа смог ли Крикун сказать «миру своё страшное слово. Самое черное правдивое про самое светлое выдуманное» [4, с. 616], так как, с одной стороны, «мальчики уже ждут (Крикуна) у выхода... Игра закончена» [4, с. 616], но, с другой стороны, автобиографические черты праведника Зиновьева, постоянные отрывочные главы из книги Крикуна, оставляют надежду и веру в то, что мир узнает всю правду.

Следовательно, из приведенного выше анализа, образ праведника А.А. Зиновьева сочетает в себе собственно литературную традицию, ведущую своё начало от творчества Н.С. Лескова, поэтому окружен неким ореолом святости, претерпевает разнообразные лишения, но в тоже время персонаж не отрешен от мира, «живет в миру», тесно взаимодействует с социумом. Крикун-праведник политически и социально деятелен, следовательно, его образ можно рассматривать как модификацию классического образа праведника, страдающего за личную правду, которая расходится с официальной общественной установкой. Впоследствии в литературе 80-90-х гг. образ подобного социологически активного праведника будет использоваться в творчестве А.И. Солженицына, В.В. Быкова, Г.Е. Распутина.

Список литературы:

1. Горелов А.А. Н.С. Лесков // Русская литература и фольклор (конец XIX в.). – Л.: Наука, 1987. – С. 57-168.

3. Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. – М.: Кн. Палата, 1991. – 320 с.
2. Дарыгин-олл.Ч.К. Александр Александрович Зиновьев: «Война длиною в жизнь» // Указ. соч. – С. 70.
3. Зияющие высоты: Роман / А.А. Зиновьев. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с. – (Русская классика XX века).
4. Королева С.Ю. Образ праведника в «деревенской прозе» В. Распутина (к вопросу о художественном воплощении народной религиозности) // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 82.
5. Фурсов А. Великий вопрекист // Лит. газета «Завтра». – 2006. – № 36 (668).

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В НОВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ

© Якушева О.А.*

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
г. Брянск

В статье рассматриваются фольклорные традиции в новой деревенской прозе на примере произведений современных авторов: Л. Гулыги («Вологодские были»), В. Белова («Сорок один боб»), Д. Игумнова («Кукуй»), А. Уткина («Свадьба за Бугом»). Автором выявлены характерные признаки жанров устного творчества, нашедшие своё отражение в данных текстах.

Обращение писателей к фольклорной традиции является одним из главных средств национального самоутверждения и становления народности. Время 1990-2000-х годов является переломным моментом в истории России, когда разрушается всё старое, а новое ещё не создано. Поэтому именно в этот период происходит обращение к фольклору, наследование его традиций, игнорировать которое нельзя.

На каждом новом этапе развития литературы фольклор воспринимался как живительный элемент в создании жизненно необходимого искусства. Эту традицию переняла и осмыслила деревенская проза советской литературы, которая с помощью устного народного творчества пробуждает в людях совесть, человечность, мужество, раскрывает перед читателями прекрасный мир творчества. Новая деревенская проза 1990-2000-х гг. теснейшим образом связана с литературной жизнью и социокультурной ситуацией предшествующих ей десятилетий, заимствуя из фольклорного наследия об-

---

* Лаборант кафедры Теории и истории русского языка.